

В.Н. Гинев

**Воспоминания
М.П. Лешерн фон Герцфельд
о народнической пропаганде среди
крестьян Самарской и Саратовской
губерний в 1877–1879 гг.**

В 1960-х годах в Ленинградском отделении Института истории АН СССР сложилась небольшая группа сотрудников, занимавшаяся историей общественной мысли в России второй половины XIX в., в частности возрождением народнической тематики. Оптимальным оказалось возрастное соотношение внутри этого научного коллектива. Старшее поколение было представлено авторитетнейшими учеными С.Н. Валком и Ш.М. Левиным, к среднему относился С.С. Волк, младшими научными сотрудниками начинали свой исследовательский путь А.Н. Цамутали и автор этих строк.

Усилиями возникшей группы в содружестве с московскими коллегами возобновились после длительного перерыва поиски новых источников по истории революционного народничества. В результате в 1964–1965 гг. вышли два тома документов «Революционное

народничество семидесятых годов XIX века». В 1966 г. С.С. Волк издал капитальную монографию о «Народной воле», у В.Н. Гинева вышла из печати под редакцией С.Н. Валка его кандидатская диссертация о народничестве в Среднем Поволжье. В конце 1960-х годов С.С. Волк, А.Н. Цамутали и В.Н. Гинев под руководством Ш.М. Левина приняли участие в коллективном труде, обобщающем взгляды В.И. Ленина на проблемы русской общественно-политической мысли XIX — начала XX в.

В 1969 г. наш небольшой коллектив понес тяжелую утрату — ушел из жизни Ш.М. Левин. В.Н. Гиневу и А.Н. Цамутали выпало на долю подготовить к печати под редакцией С.Н. Валка готовые главы некоторых трудов Ш.М. Левина, которые он не успел завершить и издать при жизни¹.

После 1975 г. наступил черед повзрослевшему младшему поколению посмертно издавать труды своего первого учителя — С.Н. Валка и писать памятные статьи о нем².

Приобретенные с помощью наставников в шестидесятые годы опыт и знания помогли оставшимся «в строю» сотрудникам Института, перешедшим последовательно в категорию сначала среднего, а затем и старшего поколения, продолжить традиционную для ЛОИИ народническую тематику уже самостоятельно. В 1980-х годах в 12-томной «Библиотеке революционных мемуаров», выпущенной Институтом в содружестве с Лениздатом, два тома были посвящены революционному народничеству³.

После выхода в середине 1960-х годов двух вышеупомянутых сборников документов по революционному народничеству продолжались архивные разыскания новых народнических матери-

---

¹ *Левин Ш.М.* Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974. В виде приложения в книге напечатана статья В.Н. Гинева «Творческий путь Ш.М. Левина». С. 407–432.

² *Гинев В.Н.* С.Н. Валк и народовольцы // Историкографический сборник. Саратов, 1980. Вып. 8. С. 183–201; *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению / Редколлегия: В.Н. Гинев (отв. ред.), М.П. Ирошников, А.Н. Цамутали, С.О. Шмидт. СПб., 2000.

³ Революционеры 1870-х годов / Сост. В.Н. Гинев. Л., 1986; «Народная воля» и «Черный передел» / Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. Л., 1989.

алов, но по разным причинам издать их тогда не представилось возможным. Это удалось сделать в кооперации с Государственным архивом РФ только в 2012 г. К собранным ранее материалам были добавлены целенаправленно найденные в 2009–2011 гг. новые документы, в результате получился актуальный по тематике том о спорах по поводу террористической тактики внутри «Земли и Воли» и «Народной воли»⁴.

Интерес к истории российского народничества XIX — начала XX в. не иссякает и по сей день. Журнал «Вопросы истории» недавно поместил серию статей Ю.А. Пелевина, написанных в объективно исследовательской манере о народовольцах Александре Михайлове, Вере Засулич, Н.В. Клеточникове и др.⁵ В 2011 г. вышло большое аналитическое исследование о Льве Тихомирове⁶. В 2013 г. Воронежский государственный университет издал межвузовский сборник научных трудов по различным проблемам истории революционного и реформаторского народничества. Впечатляет география мест, откуда были присланы статьи. Кроме самого Воронежа, еще Барнаул, Брянск, Когалым, Курск, Москва, Нижневартовск, Новокузнецк, Петербург, Самара, Сургут, Таганрог, Тамбов. Позиция некоторых авторов вызывает критику, но инициативу воронежцев следует приветствовать⁷.

В 2014 г. вышел в свет в двух томах стенографический отчет заседания Особого присутствия Правительствующего сената 26–29 марта 1881 г., судившего исполнителей убийства Александра II⁸.

---

⁴ Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли»: Споры о тактике. Сборник документов / Редколлегия: В.Н. Гинев (отв. ред.), Р.Ш. Ганелин, А.Н. Цамутали. М.; СПб., 2012.

⁵ Пелевин Ю.А. 1) А.Д. Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 46–69; 2) Н.В. Клеточников // Там же. 2013. № 11. С. 53–77; 3) Идеиные основы «Земли и Воли» // Там же. 2014. № 3. С. 3–19; 4) Казус Засулич // Там же. 2015. № 1. С. 60–78; № 2. С. 52–70; № 3. С. 69–77; № 4. С. 41–61.

⁶ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

⁷ Гинев В.Н. О старом и новом в современном народниковедении // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2014. № 2. С. 167–175.

⁸ Суд над царевубийцами. Дело 1-го марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. 1, 2. СПб., 2014.

Нередко высказываются и негативные мнения о роли народников в истории России. Так, в учебнике для десятого класса средней школы утверждается, что «главная опасность курсу обновления страны исходила от тех, кто считал, что реформы идут слишком медленно <...> Они получили название народников»⁹. Таким образом, авторы учебника стараются внушить учащимся, что главным препятствием прогрессивного развития России являлось не закосневшее самодержавие, а нетерпение революционеров.

Последний по времени разбор мотивов действий террористов в историческом ракурсе проведен в февральском номере журнала «Дилетант» за 2016 г. Большое место уделено народовольческому террору, при этом стирается какое-либо различие современного террора исламских экстремистов и российского террора 70-х-80-х годов XIX в. Упоминание «Народной воли» и «Земли и Воли», по мнению автора одной из статей, «сегодня создает — в лучшем случае — некоторую неловкость»¹⁰.

В центральных и местных архивах хранится множество неопубликованных и даже не использованных исследователями народнических материалов, которые могут способствовать дальнейшему изучению теории и практики российских народнических групп не на дилетантском, а на научном уровне. Осталось неопубликованным довольно значительное количество машинописных копий выявленных в свое время архивных документов, не вошедших в сборники, изданные в ЛОИИ и СПбИИ РАН в 1965–1966 и 2012 гг. Они будут сданы в Архив Института. Возможно, в будущем появятся молодые научные сотрудники, которые продолжат начатую в ЛОИИ более чем полувековую традицию изучения народнической общественной мысли и деятельности.

В настоящем томе Трудов СПбИИ РАН предлагается публикация одного из оставшихся «в запасниках» документа — воспоминаний народницы Марии Павловны Лешерн фон Герцфельд о ее личном «хождении в народ», но не о знаменитом «хождении»

---

⁹ Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX веков. М., 2004. С. 397–398.

¹⁰ Гельман М. Что нам делать с собой? // Дилетант. 2016. № 2. С. 43.

весны и лета 1874 г., когда сотни молодых разночинцев, бросив учебу в университетах и гимназиях, переодевшись в мужицкую одежду и запасшись пропагандистскими брошюрами, ринулись по деревням в уверенности, что своими зажигательными речами они раскроют глаза мужику на несправедливость его нищенского положения, а кое-где даже вызовут бунты, не о том первом «хождении», окончившемся повсеместным провалом и арестами множества молодых наивных агитаторов, а в «хождении» в значительном числе уже профессиональных революционеров, приобретших опыт и создавших организацию, внесших коррективы в свою пропагандистскую деятельность.

Поверхностная «летучая» пропаганда показала свою неэффективность, поэтому было решено с помощью рекомендаций знакомых местных либералов устраиваться в деревнях на должности фельдшеров, сельских писарей, учителей, заводить кузницы, какие-нибудь другие полезные на селе ремесленные мастерские и т.п. Своей честной работой, легальной защитой крестьянских интересов при экономических спорах с окрестными помещиками и деревенскими «мироедами» предполагалось сначала завоевать авторитет и доверие у односельчан, а затем осторожно и выборочно переходить к пропаганде, соединять наиболее надежных в тайные кружки, готовые по сигналу начать восстание. Что касается содержания пропаганды, то рекомендовалось не сосредотачиваться на разъяснении непонятных крестьянам принципов социализма, а говорить о земле и воле. Следовало по возможности закрепляться в деревнях избранной губернии недалеко друг от друга и иметь в губернском городе явочный пункт. Эти планы удалось осуществить в нескольких губерниях Центральной России и Поволжья, в истории они получили название землевольческих деревенских поселений.

Наряду с землевольцами свои деревенские поселения в некоторых губерниях создавала группа так называемых «сепаратистов». Их программа и тактика были такие же, как у «Земли и Воли», расхождения касались организационных вопросов. Сепаратисты выступали за такой тесный союз, где все участники связаны близким знакомством и взаимными симпатиями.

Землевольты же считали, что в интересах расширения организации достаточно потребовать от ее члена деловитости и честности. «Этот вопрос, — вспоминала В.Н. Фигнер, — так и не привел к соглашению: образовались две группы, вначале почти равные. Одной, основанной на новом начале, суждено было процветать и расширяться — это было общество “Земля и Воля”, другой же пришлось все умяляться. С величайшим сожалением приходится сказать, что в этой второй группе была и я»¹¹.

Из второй группы весной 1877 г. в Самарскую губернию устраивать деревенское поселение поехало семь человек и среди них М.П. Лешерн фон Герцфельд.

В 1921 г. историко-революционный журнал «Былое» поместил краткое воспоминание М.П. Лешерн фон Герцфельд о ее участии в организации побега 30 июня 1876 г. из Николаевского военного госпиталя в Петербурге арестованного в 1874 г. члена народнического кружка «чайковцев» П.А. Кропоткина, переправленного после побега за границу и ставшего впоследствии теоретиком анархизма мирового масштаба. Несмотря на аттестацию редакцией «Былого» М.П. Лешерн фон Герцфельд как «известной революционной деятельницы», сведений о ее *революционной* биографии до июня 1876 г. найти не удалось, равно как и о ее судьбе после 1883 г. Между тем Мария Павловна Лешерн фон Герцфельд (до замужества Мейнгард) была родной сестрой известного члена «Народной воли» Анны Павловны (фамилия по первому мужу — Корба). Однако в написанных в 1925 г. обширных воспоминаниях А.П. Корба ни разу не упоминает о народнической деятельности своей старшей сестры, сообщая лишь несколько раз мельком бытовые сведения о ее жизни (замужество, ребенок, развод, семейные встречи)¹². Но из воспоминаний *самой* М.П. Лешерн фон Герцфельд в «Былом» видно, что она была принята петербургскими народниками как вполне своя, а в июне 1876 г. оказалась в Петербурге проездом на Урал, чтобы там присоединиться к друзьям и «принять участие в делах

---

¹¹ Фигнер В.Н. Сочинения. М., 1932. Т. 1. С. 105.

¹² Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 195–208.

уральских рабочих, так как были слухи, что брожение между ними очень сильно и они нуждаются в поддержке»¹³.

В Самарской и затем в Саратовской губерниях М.П. Лешерн фон Герцфельд жила под видом сестры А.И. Иванчина-Писарева; в действительности, как явствует из ее воспоминаний, они состояли фактически в тайном гражданском браке. А.И. Иванчин-Писарев подробно и красочно описал свою деятельность в качестве волостного писаря (два издания: 1914 и 1929 гг.), но только один раз мельком упоминает о своей помощнице. Между тем из воспоминаний М.П. Лешерн фон Герцфельд можно узнать об очень насыщенных, эффективных и в ряде случаев вполне самостоятельных действиях рядовой народницы среди крестьян. Этим М.П. Лешерн фон Герцфельд существенно дополняет широко известные воспоминания А.И. Иванчина-Писарева и многие другие народнические мемуары.

Воспоминания М.П. Лешерн фон Герцфельд, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, в фонде известного историка и литературоведа, основателя и одного из редакторов знаменитого журнала «Былое» (1906–1907, 1908, 1917–1926) П.Е. Щеголева, публикуются по сохранившемуся в архивном деле автографу. Зачеркивания мемуаристом отдельных слов не отмечены, если они не имеют смыслового значения. Воспроизводится окончательный текст воспоминаний. Комментарии автора воспоминаний в подстрочных примечаниях обозначены звездочками, подстрочные текстовые примечания публикатора — буквами, реальные комментарии публикатора, помещенные после текста воспоминаний, — арабскими цифрами.

---

¹³ Лешерн фон Герцфельд М.П. Воспоминания о побеге П.А. Кропоткина // Былое. 1921. № 17. С. 59.

М.П. Лешерн фон Герцфельдт
Воспоминания о моей жизни «в народе»

В 1876 году некоторые из «народников» устроились в различных видах в деревне с целью стать как можно ближе к крестьянству. Мне хотелось примкнуть к своим друзьям, но мое здоровье не позволяло мне взять на себя определенную работу, и я решила поселиться в какой-нибудь деревне Самарской губернии (избранной для поселений «народников») под видом лечения кумысом. Не помню названия деревни Бугурусланского уезда, куда я попала, но она была населена мордвой.

Ямщик привез меня к хозяевам просторной избы, зимняя половина которой была свободна, ее мне охотно сдали. Я устроилась с шестилетним сыном и, заявив о цели своего приезда, просила указать, где я могу достать кумыс. Не успела я еще приступить к лечению, как ко мне пришел десятский, присланный волостным писарем, с требованием явиться в волостное правление. Я ответила, что не намерена являться, а отдам хозяину квартиры свой вид на жительство для прописки в волостное правление. Десятский ушел, но скоро вернулся с настойчивым требованием, чтобы я лично явилась к писарю. На мой вторичный отказ он ответил, что не уйдет без меня, что ему велено привести меня хоть силой. «Скажите писарю, что он не имеет права так поступать и что я буду жаловаться на него», — предложила я десятскому, и тот исполнил мое поручение, но пришел в третий раз и очень решительно заявил, что писарь разгневался и велел немедленно доставить меня.

Чтобы не доводить дела до скандала, я решила пойти.

— Хорошо, — сказала я, — я пойду, но ему это не сойдет безнаказанно.

По всему пути меня сопровождала толпа народа. Волостное правление внутри и снаружи осаждалось любопытными. Я никак не могла понять, что взбудоражило всю эту публику; заметила только, что на меня смотрят как-то искоса, а между собой о чем-то взволнованно переговариваются. Я вошла и предстала перед грозные очи писаря. Он сидел величественно за своим столом и, видимо ломаясь, обратился ко мне очень строго:

— Вы ответите за неисполнение предписания должностного лица.

Насколько возможно, я подавила свое негодование и спокойно ответила:

— А вы ответите за превышение власти. Вы не имеете права требовать меня в волостное правление. Вы можете только спросить мой вид на жительство и прописать его.

Он был изумлен моей дерзостью и еще строже чуть не крикнул:

— Па-смотрим что вы заговорите, как я велю арестовать вас.

— Этого вы не можете сделать, потому что я сейчас же пошлю телеграмму губернатору, — ответила я резко.

— Па-смотрим, па-смотрим, — продолжал он ломаться, — покажите-ка свой вид.

Я торжествующе подала свой вид. Он кинул взгляд на него и обомлел..

Немедленно вскочил он с своего места и, передавая мой вид обратно, униженно бормотал:

— Не погубите, я не знал!..

— Не знали, так вы должны были быть осторожнее, — ответила я ему, повернувшись и вышла. И его испуг, и всеобщее волнение казались мне непонятными. На улице я услышала, что свидетели этой сцены с удовольствием говорили: «Ну и отдела-ла его барыня; то-то испужался». Дома хозяева объяснили мне всю историю. Кем-то был пущен слух, что я английский шпион, переодетый в женское платье (подосланный агличанин, как

выразились хозяева), присланный разведать, что говорит народ о войне. Писарь и думал выслужиться, поймав шпиона, а вдруг увидал, «что вы настоящая барыня, да хфамилия у вас мудреная, — он и испужался. У нас его больно не любят, вот все и обрадовались, что вы его отделали». Никак не ожидала я такой истории... Лечение, за которое я принялась на другой день, не пошло мне впрок. Я почувствовала себя так плохо, что слегла. Это испугало меня, что станется с моим сыном, если я серьезно расхвораюсь, и он очутится один среди этого полудикого народа... Я собралась с силами и уехала в Самару, но в городе я не хотела оставаться и по указанию знакомых отправилась на хутор одного молоканина (не помню уже, в каком уезде). На хуторе было два дома; в одном — жили старики-хозяева, в другом — дочь их с мужем и маленьким сыном. Половину второго дома хозяева согласились сдать мне, и я поселилась там с сыном.

Местность была не из привлекательных; кроме маленькой речонки, которая почти пересыхала летом, все видимое пространство было занято полями, засеянными пшеницей, правда, «чудной» пшеницей, так называемой белотуркой, но все-таки пейзаж без деревца, без кустика, без цветущих лугов не радовал взор. Зато хозяин этих беспредельных посевов представлял большой интерес. Старик-молоканин с большой белой бородой и белыми кудрями олицетворял красивый, представительный тип крестьянина. Он был неграмотный, но знал наизусть очень много из Святого Писания, очень любил обсуждать вопросы веры и часто просил меня почитать ему божественные книги. В то время я еще хорошо помнила и Евангелие, и многое из Старого Завета и читала ему то, что казалось мне интересным обсуждать.

Однажды мимо нас прошел крестный ход по поводу бездождия, и молоканин, указывая на процессию, с усмешкой сказал:

— Какие заблуждения существуют у православных.

— Почему вы считаете заблуждением молиться о ниспослании благодетельного дождя, — возразила я. — Вот у молокан есть странные заблуждения.

— Какие? — с живостью спросил он.

— Например, вы не едите свинины, потому что считаете свиною нечистым животным, и вообще делите животных на чистых и нечистых, а в Деянии апостолов говорится о явлении, которое было апостолу Павлу, — с неба спускалась к нему скатерть со всевозможными тварями, и голос свыше говорил ему: «Все твари — божьи создания и нет между ними чистых и нечистых, а все они чисты. И это виденье было ему до трех раз», — и я прочла ему это место Нового Завета.

Он задумался и сказал:

— Да, это оставлено у нас без внимания, это надо обсудить на собрании.

В одно прекрасное летнее утро хозяин поехал осматривать свои владения — наступала скоро пора уборки хлеба. Расчетливые хозяева запасались рабочими руками еще с весны, когда цена за уборку десятины стояла не выше 8–9 рублей, поднимаясь летом до 25–30 рублей. В обеспечение найма у артели брали в залог серпы. Наш молоканин нанял несколько артелей и был, конечно, совершенно спокоен, считая себя обеспеченным дешевыми рабочими. Он уехал, а я сидела на балконе (балкон окружал весь дом, так что всегда можно было найти на нем тенистый уголок). Вдруг подходит русская баба (были наняты и татары) и спрашивает, не может ли она получить обратно серпы, взятые в залог у ее артели.

— Серпы-то мои, — объяснила она. Я ответила, что это дело хозяев, но что они едва ли согласятся отдать залог, если артель отказывается работать.

— Я не виновата, — возразила она, — что артель отказывается, а серпы-то мои. А как не отказаться, когда нынче нанялись за 23 рубля, а здешний хозяин подрядил за 8 рублей. Тоже ведь и нам не расчет.

— Ну, пойдем, — сказала я ей, — отыщем хозяйку; может быть, она сжалится и отдаст серпы.

Мы пошли искать молодую хозяйку, но ее нигде не было. Когда мы проходили через сени, баба увидела свои серпы.

— А вон они, — указала она, — я возьму их.

— Не мое дело.

Она стала умолять. Я находила справедливым, чтобы серпы были возвращены ей, и сказала:

— Ну бери.

Надо было видеть радость, с какой баба схватила свои серпы; затем она быстро удалилась.

Оказалось, что старуха-хозяйка видела, как баба унесла свой залог, и сообразила, что я распорядилась отдать ей серпы. Расстояние между двумя домами было в несколько сажений, так что застигнуть бабу вовремя старуха не могла, и она крикнула мне:

— Ты что это чужим добром распоряжаешься, вот уж хозяин вернется, он те голову намылит.

— Не боюсь я вашего хозяина, — ответила я ей и ушла опять на балкон. Но она была так возмущена моим поступком, что не вытерпела и пришла ко мне.

— Ты что же это сделала, — они слово не сдержали, обманули нас, а мы им залог будем отдавать. Вы крест на шею наденете да и думаете, что вам всё разрешается, хоть и чужим добром распорядиться.

Меня взбесило ее рассуждение, и я ответила ей:

— А вы думаете, что достаточно не надевать креста, чтобы отрешиться от всех грехов и иметь право прижимать и обижать людей. Справедливо это — пользоваться нуждой крестьян, чтобы нанимать их за 8 рублей, когда они потом за ту же работу могут получить 25 рублей?

Разговор продолжался на эту тему. Старуха кричала на меня еще долго и кончила повторением угрозы:

— Вот уж вернется хозяин — задаст он тебе.

Вечером, когда мы собирались чай пить, я увидела хозяина, направляющегося в мою сторону. «Ну, — подумала я, — придется огрызаться и против него». Он пришел, поздоровался, как всегда. Я пригласила его чай пить, он принял приглашение и ни слова об инциденте. Сидя уже за чаем, он вдруг спросил меня:

— Есть ведь такие книжки, в которых написано, как надо жить по справедливости?

«Что это, — подумала я, — допрос, чтобы донести на меня за неблагонадежность?» Но я решила не обрывать разговора.

— Конечно, есть, — ответила я.

— И вы читали такие книжки? — продолжал он спрашивать.

— Читала, и вы каждый день читаете самую главную, самую важную книгу, проповедующую правду и справедливость.

Он как будто в недоумении взглянул на меня.

— Чему же учит вас Евангелие? — продолжала я.

Он смолк, а затем проговорил:

— Так по справедливости — надо, чтобы все люди были равны, чтобы не было ни богатых, ни бедных?

— Так учил Христос, — ответила я, — так жили первые христиане, а теперь все думают только о том, как бы для себя урвать кусок получше, самим устроиться, а другие хоть пропадай...

— Ну, так давайте и мы жить по правде, раздадим всё, что у нас есть, — сказал старик.

Я не знала, говорит ли он серьезно или хочет меня поддеть, поэтому я ответила ему:

— Если вы раздадите всё нищим и сами останетесь нищим, от этого толку мало будет.

— А что же надо делать?

— Надо никого не обижать, помогать тому, кто нуждается в помощи и стараться, чтобы как можно больше людей пожела-ло бы жить по правде.

— Вот оно что? — задумчиво проговорил старик, встал, пожал мне руку и ушел.

Через несколько дней после этого я вечером сидела опять на своем балконе, когда ко мне прибегает внук старика и говорит:

— Идите, тетенька, дедушка вас зовет.

Я посмотрела в сторону дома стариков и увидела у крыльца толпу народа.

— Что там такое? — спросила я мальчика.

— Мужики из деревни собрались; скот их потравил у нас хлеб.

Я была в недоумении — на что я понадобилась в этом деле, но, конечно, я пошла. Вхожу на высокое крыльцо; там заседает старик во всем своем величии, а внизу гудит толпа.

— Вот дело какое, Мария Павловна, — обратился ко мне старик, — выпустили крестьяне скот свой на наше поле и потравили много хлеба; сын загнал скотину, почитай целое стадо, и спрашивает по три целковых с головы, а они пришли, просят отпустить скотину, по недосмотру, говорят, пастух упустил.

— Отпусти, сделай милость, — загудела толпа, — не из чего нам платить, сам знаешь, Андрей Иванович.

— Ну, как по-вашему, по справедливости, — снова обратился ко мне старик, — отпустить надо?

— Конечно.

— Отпустите! — медленно произнес старик, и величественным жестом как бы освободил народ, волнующийся у его ног.

— Спасибо тебе, Андрей Иванович, — громогласно пронеслось в ответ на это милостивое решение, и толпа вместе со своим стадом поспешила в деревню, а старик-молоканин радостным взглядом провожал их, приговаривая:

— А оно как будто легче на душе, как без обиды.

С тех пор всякое недоверье у меня к нему пропало, и мы оставались с ним в наилучших отношениях до самого конца нашего пребывания у него.

* * *

Весной 1877 года было решено энергично действовать в народе, но не выступать сразу с резкой революционной пропагандой, а применяясь к местным условиям, подготавливать почву для сознательного отношения народа к своему положению и к активному противодействию тому бесправию, на которое он был обречен. Для начала избрали Самарскую губернию. Народники отправились в деревни, в разные местности в самых разнообразных видах. Одни предпочитали наименее интеллигентные должности, считая, что в таком виде легче сблизиться с народом. Заводились кузницы, мастерские, отдельные лица нанимались в работники и т. п. Другие же, наоборот, считали удобнее не слишком удаляться от своего облика, чтобы не оказаться немелкими в совершенно чуждой сфере. Должности волостных писарей для мужчин казались самыми выгодными в смысле об-

шения и близости к крестьянам. Женщины, действующие самодеятельно, шли в фельдшерицы или учительницы.

Для достижения такого положения, конечно, приходилось запасаться знакомством в среде губернских и уездных властей.

В ожидании устройства в деревне наша компания, состоявшая из 4–5 лиц, в числе которых были: Юрий Богданович, один из рабочих Московской группы (кажется, Васильев)¹, Александр Иванович Писарев и я, поселилась в городе Самаре. В большом пустом доме мы заняли одну комнату и кухню, соединяющуюся с ней коридором. Мужчины разместились в комнате, я в коридоре. Ю. Богданович и Васильев пристроились на какой-то завод, чтобы не сидеть сложа руки. В 5 часов утра я будила их и они отправлялись на работу. У нас было много знакомых в городе. Лучшие знакомые были: Александра Яковлевна Ефименко (ученые труды которой составили ей уже тогда известность) и совсем не ученая, но не менее симпатичная — Чепурнова. Обе они относились к нам совсем по-родственному и облегчали наше не особенно приятное существование насколько возможно, предоставляя нам и книги, и общество. Чтобы чем-нибудь заполнить свободное время, я решила изучить фельдшерство и сдать экзамен. Александра Яковлевна и тут пришла мне на помощь. Она предложила мне познакомиться с доктором Португаловым, который получил только что место земского врача и переселялся в село Кинель-Черкасы; на практике и под руководством врача легче было достигнуть знаний, а жизнь в деревне, конечно, была для меня также симпатичнее, чем бесполезное существование в городе. Вскоре состоялось мое знакомство с Вениамином Осиповичем Португаловым, очень известным в то время публицистом, много писавшим в журнале «Неделя», весьма энергично и либерально отстаивающим «народ», его права и нужды. В[ениамин] О[сипович] охотно согласился дать мне возможность изучать медицину на практике, но предложил «оформить» мое положение и числиться учительницей его многочисленных отпрысков. Я не видела в этом ничего неудобного, но выговорила себе право жить отдельно и иметь достаточно свободного времени для своих личных занятий. Он на всё согласился, и через

несколько дней мы отправились в Кинель-Черкасы. Жена В[ениамина] О[сиповича] была совсем безличная молчаливая особа, а дети (их было 8–9 человек) неразвиты до невероятной степени. В деревне всё было для них незнакомо: они не умели отличить поросенка от гуся, все деревья называли березами, и т. п. Это удивляло меня, так как я не могла объяснить себе такое пренебрежение к развитию своих детей со стороны высокоинтеллигентного человека, но ознакомившись ближе с личностью и семьей доктора Португалова, я убедилась, что интересный публицист не во всех отношениях культурный человек.

Первое время наши отношения были сносные, но чем дальше, тем они осложнялись и кончились полным разрывом. Началось с того, что В[ениамину] О[сиповичу] не понравилась моя дружба с молодой солдаткой, жившей у него в услужении. Это была веселая, бойкая и очень умная баба. Она была общей советницей в селе; к ней даже мужчины обращались за советами и наставлениями, и для каждого она находила выход из самых затруднительных положений. Ко мне она сразу отнеслась с большой симпатией и взялась устроить меня как можно лучше. Она поселила меня у двух сестер-черничек, которые тоже поразили меня своей интеллигентностью, тактом и умом. Они были поборницы просвещения, старались сами проникать в смысл жизни и заботились о том, чтобы и крестьяне более сознательно вникали в окружающие их условия. По базарным дням у них собиралось большое общество крестьян для чтения газет и обсуждения различных вопросов. Меня стали приглашать на эти беседы. Газеты читались с жадностью; сообщения с войны (с Балканского и Кавказского фронтов), конечно, были небезразличны, а так как я могла разъяснять им всё, что было для них непонятно, то я стала обычной чтницей. Некоторые парни и даже крестьяне постарше заинтересовались физическими явлениями и очень обрадовались, когда я принесла книгу с описанием явлений, привлечших их внимание. Хозяйки, видя, какой успех имели теперь их собрания, были очень довольны, благодарили меня и выказывали мне трогательную привязанность.

Всё это дошло, конечно, до Португалова, и он отчасти с насмешкой («Вы напоминаете мне Мишуруину»), отчасти серьезно, стал предупреждать меня, что меня могут заподозрить в неблагонадежности за слишком большое сближение с народом, и в противовес этому предложил мне заниматься с детьми станового пристава. Я заявила ему, что лишнего времени не буду тратить на обучение детей пристава, а вместе с его детьми я могу заниматься и с теми, но что это послужит задержкой для его собственных чад, которые требуют большого труда и внимания по своей отсталости, хотя способности у них большие. Он все-таки пожелал, чтобы я пригласила детей пристава, и я согласилась для его спокойствия. Однако эти дети оказались такими тупыми, что волей-неволей пришлось их отделить от прежних учеников.

Занятия мои медициной двигались мало, так как Вениамин Осипович очень странно относился к своим докторским обязанностям. Стоя в своей приемной у конторки с противоположной стороны от входной двери, он не пускал больного дальше порога и на расстоянии ширины комнаты осматривал раны, опухоли и т. п.; затем записывал имя, фамилию и давал «квиток» на получение лекарства. Этим кончался прием. К тому же он часто уезжал в одну излюбленную деревню, где и пропадал на несколько дней. Скоро больные стали обращаться ко мне за советами, и когда я посылала их к доктору и объясняла, что я не умею лечить, они не верили, а про Португалова говорили, что к нему не стоит ходить; пользы от его лечения нет никакой.

Я была очень довольна своей жизнью в Черкасах, так как приобретала всё больше и больше знакомств между крестьянами и пользовалась их расположением и доверием, но тревога Вениамина Осиповича тоже росла по мере моего успеха. Через месяц или полтора меня навестил А.И. Писарев. Не зная моего адреса, он зашел к Португалову, и Вениамин Осипович, собиравшийся ехать в свою любимую деревню, ухватился за А[лександра] И[вановича] как за якорь спасения. Он попросил проводить его до околицы и, идя с ним пешком, излагал ему свои опасения относительно меня, и умолял его уговорить меня

уехать из Черкас. Когда А[лександр] И[ванович] пришел ко мне и сообщил это известие, я была ошеломлена и очень огорчена, а хозяйки мои, узнавши о моем отъезде, расплакались и не скупилась на нелестные отзывы по адресу Португалова. К счастью, Александр Иванович имел уже место писаря в селе Страхове Бузулукского уезда, и я переехала к нему. Здесь мне, конечно, нельзя было жить под своим именем, и я числилась сестрой Александра Ивановича.

В этой волости старшина был хотя не глупый, но ничем не замечательный человек. Жена его, умная баба, очень гордилась званием «старшинихи» и с наслаждением пользовалась привилегиями этого звания. Главным образом она дорожила «казенной» квартирой. «Как хорошо жить особо в избе, — говорила она, — ну как я после этого войду опять в обчую семью. Ни покою, ни чистоты не увидишь; весь день на людях. Дети плачут, бабы перекоряются между собой, мужики бранятся — не дай бог». Ко мне она относилась очень дружелюбно и взяла меня под свое покровительство. Однажды в соседней волости был храмовой праздник, и старшина с женой и, конечно, и писарь, были приглашены на торжество. «Старшиниха» уговорила и меня ехать. «Чего здесь одной дома сидеть — поглядишь на людей». Мы поехали. Соседняя «старшиниха» приняла меня за жену писаря и когда усадила нас за стол и стала угощать, то справилась как величать «писариху». «Ну, писариха, — откликнулась моя покровительница, — еще не заслужила — она сестра писаря, а вот мы ее сосватаем — может и угодить в писарихи». Смешно было слушать эту оценку и видеть, как сообразно этому и отношение хозяйки изменилось к не столь важной гостье.

В волостном правлении я заведовала отправкой и приемкой почты. Крестьяне, приходившие за корреспонденцией, всегда просили почитать письма, так как в селе почти не было грамотных. Я охотно исполняла их просьбы, так как этим приобретала их расположение и, кроме того, чтение писем позволяло мне знакомиться с их семейными и общественными делами. После того как я написала 2–3 письма в ответ на полученные, меня стали осаждать просьбами «отписать письмецо». Крестьянам

очень нравилось, что я кроме обычных поклонов и благословений вставляла в письма сведения о хозяйстве и семье, а матери и жены умилялись ласковыми словами и изложением тоски в разлуке. Они проливали слезы и наивно спрашивали: «И как ты всё это знаешь, словно с нами живешь», — не догадываясь, что нетрудно понять и изобразить такое несложное настроение, а что семейные обстоятельства я узнавала от них же самих. Кроме писем приходилось писать иногда какое-нибудь прошение, заявление, отмечать кому-нибудь внесенные подати и т. п. Увидя, что я справляюсь со всем этим, ко мне явились однажды представители от двух деревень и просили быть у них сельским писарем.

Я объяснила им, что женщине не полагается занимать такую должность и что я не могу подписывать никаких казенных бумаг; это очень огорчило их, но они не хотели мириться с этим и долго обсуждали это обстоятельство. Наконец, кто-то надоумился, что для подписи годится малограмотный человек, а я могу быть фактическим писарем. На этом и порешили; я согласилась с условием, что со всеми делами будут приходиться ко мне в волость, а я никуда не буду ходить и ездить. Крестьяне «положили» мне жалованья 30 рублей и очень благодарили меня.

Но недолго пришлось мне исправлять свою должность.

В селе было питейное заведение, сидельцем в котором был совсем молодой человек, очень любознательный, увлекающийся чтением и несказанно обрадовавшийся знакомству с нами как с интеллигентными людьми. Он навещал нас очень часто, и мы бывали у него и его миловидной молоденькой жены. Однажды он пришел к нам вечером один; мы заметили, что он очень встревожен и как будто хочет сказать что-то, но не знает, как приступить. Мы стали расспрашивать его, и он, смущаясь и волнуясь, спросил:

- У вас есть знакомые в Петербурге?
- Есть.
- Вы переписываетесь?
- Переписываемся.
- Знаете, ваши письма попали к жандарму и он говорит, что чует что-то неладное.

— Но откуда он мог получить наши письма; мы не получаем писем на наш адрес.

— Не знаю, — ответил молодой человек, — но жандарм ждет приказа об обыске и аресте; если у вас есть основание опасаться чего-нибудь, то лучше уезжайте. Я догадываюсь, что вы за люди; дурного вы не можете сделать. Я искренне предан вам; если могу помочь чем-нибудь — сделаю это с удовольствием.

Раздумывать, конечно, нечего было, и мы решили на следующее же утро заявить старшине о необходимости съездить в Самару по своим делам.

С сидельцем, которого мы, конечно, сердечно благодарили, мы расстались весьма дружески, посвятив его в наше дело. Он предложил нам денег, и так как у нас действительно ничего не было, то мы согласились на его предложение. Александр Иванович как бы продал ему свои серебряные часы.

Старшина, ничего не подозревая, согласился дать писарю отпуск, но на самое короткое время. Мы уехали, а через 2–3 дня нагрянули с обыском. Жандармы удивлялись, как мы могли узнать о грозящей беде, а обыватели изумлялись, что люди, которых они считали почтенными, могли оказаться «преступниками».

Неизвестно, как объяснили себе и те, и другие свое недоумение.

Приехавши в Самару, мы узнали, что кто-то написал нам письмо, но не в волостное правление, где мы сами и получили бы его, а на железнодорожную станцию, где жандарм и перехватил его. Что было компрометирующего в этом письме — не помню, но оно предупредило худший «провал», который ждал нас по поводу более серьезного дела. Одна наша самарская знакомая, Вера Петровна Чепурнова, была вызвана в Петербург в качестве свидетельницы по Самарскому делу, входящему в состав процесса 1930-х².

У Веры Петровны не было ни души знакомых в Петербурге; ей дали адрес Исидора Альбертовича Гольдсмита и просили его приютить Чепурнову и позаботиться о ней.

Он принял в ней участие, а наши друзья и знакомые воспользовались ее возвращением в Самару, чтобы переслать нам всевозможную корреспонденцию, считая эту «оказию» вполне верной.

Но уже на станции Любань Николаевской железной дороги Веру Петровну арестовали, и богатая добыча попала в руки жандармов. К счастью, кто-то из своих сопровождал Чепурнову издала и, увидя ее арест, немедленно послал предупреждение в Самару. Когда мы собирались выехать из города, на вокзале уже были жандармы и полиция, и мы решили, что благоразумнее выехать на лошадях и пересесть на поезд на одной из ближайших станций. Так и сделали и благополучно прибыли в Петербург.

* * *

Ввиду «провалов» и трудности работать в «народе», возник вопрос, не следует ли прекратить эту деятельность и пойти по другому пути. Однако многие не соглашались отказаться от начатой работы и решили продолжать. Конечно, надо было избрать другую губернию. Некоторые отправились в Тамбовскую губернию, другие в Саратовскую. У меня не было ничего определенного в виду; я услышала, что в Чигиринском уезде Киевской губернии представлялся случай устроиться в семье чиновника в качестве гувернантки. Я соблазнилась возможностью побывать в местности, где действовали «черные передельцы»^а и узнать, какие следы оставила там их пропаганда. На месте, однако, я ничего не могла узнать — явных последователей не оказалось; только и удалось услышать легенду о том, как в момент ареста старика, взявшего на себя роль проповедника после исчезновения Дейча и Стефановича, разразилась гроза и потрясла землю и избу, в которой находился святой человек³.

В семье, где я нашла приют, мне тоже не посчастливилось; это были люди малоинтеллигентные и несимпатичные, и я подумывала, куда бы мне направиться, когда меня известили, что товарищам в Тамбовской губернии не повезло и они решили переехать в Саратовскую губернию, где уже поселились некоторые народники; между прочим, Александр Дмитриевич Михайлов, увлекавшийся тогда старообрядцами и сектантами. Он очень умело проникся их воззрениями и стал своим человеком в их

---

^а В ркп. «черные передельцы» зачеркнуто.

среде. В городе Саратове была устроена квартира, в которой поселилась одна из народниц в качестве хозяйки, а жильцами были трое мужчин (помню только Гартмана, который говорил, что самая умная женщина глупее самого глупого мужчины).

Все трое занимались торговлей по деревням и в город являлись только для возобновления товаров и обмена мыслей с товарищами.

Когда я собралась из Петербурга в Саратов, Ольга Александровна Натансон, пользовавшаяся большим авторитетом и уважением среди организации «Земля и Воля»^а и после ареста мужа ставшая во главе ее, направила меня на эту квартиру и просила меня передать ее обитателям послание, в котором выражалось неодобрение каким-то их действиям, и предписание поступать сообразно постановлениям общего собрания перед тем съезжавшихся в Петербург членов организации.

Несмотря на то что я не принадлежала к их «Земле и Воле», хозяйка квартиры (не помню, кто это был) приняла меня радостно. Она так истосковалась в одиночестве, что отказывалась дольше оставаться в этой позиции и писала уже, чтобы прислали кого-нибудь на мену ей. Через несколько дней приехала Наталья Александровна Армфельд, но сразу было видно, и сама она поняла, что это положение неподходящее для нее. Она никогда не занималась черной работой; с трудом удавалось ей растопить печку; она не знала, как и какой обед приготовить для «мужиков». Одним словом, она была в большом затруднении. По некоторым обстоятельствам мне приходилось временно оставаться в городе. Я собиралась поселиться с А.И. Писаревым в качестве его сестры, но он еще не пристроился. Наташа Армфельд была очень рада моему присутствию. Я помогала ей советом и делом, и она начинала принаравливать к порученному ей делу, хотя оно было ей не по душе. А душа у нее была (в несоответствии с ее громадным ростом, могучими сильными руками и ногами) нежная, поэтическая. Она чудно играла на гармонии, и вечера, когда не было работы, мы проводили с ней на берегу Волги, куда

---

^а В ркп. чернопередельцев зачеркнуто.

выходили окна квартиры. Прелесть летней лунной ночи поэтически настраивала мечтательную душу Натальи Александровны, и чудные звуки лились из-под ее рук, умело перебиравших такой простой инструмент, как гармония.

Недолго я оставалась в обществе этого милого человека. Мы простились дружески, чтобы никогда больше не встретиться.

Некоторые из моих товарищей получили места волостных писарей. Юрий Богданович, Александр Константинович Соловьев и Александр Иванович Иванчин-Писарев — все трое пристроились в Вольском уезде.

Вера Николаевна Фигнер (в другом уезде) была фельдшерцей, и с ней поселилась ее сестра Евгения, кажется, в качестве учительницы.

Места писарей были получены через предводителя дворянства Вольского уезда Фролова, которому откровенно было сообщено о цели и намерениях действующих лиц. В тайну был также посвящен непрременный член присутствия по крестьянским делам. Они оба относились очень сочувственно к нам. Александр Иванович и Юрий Николаевич бывали у предводителя дворянства как хорошие знакомые, пока не поступили на места писарей. Юрий Николаевич восхищал всех своим великолепным басом. Впоследствии крестьяне упрашивали его остаться у них регентом в церкви, а Аксаков, имение которого находилось в волости, где Юрий Николаевич был писарем, предлагал ему 100 рублей в месяц, чтобы он согласился на просьбу крестьян.

О деятельности и жизни в деревне Юрия Николаевича и Александра Константиновича я мало знаю, но помню, как однажды Соловьев прислал нам письмо, в котором с восторгом описывал, что крестьяне его волости уже сознательно стали относиться к своему бесправию и беззаконию местной власти, что, очевидно, они в скором времени проникнутся и общим пониманием условий своей и общей жизни и не останутся тогда ни перед чем, чтобы добиться прав и свободы.

Его чуткая, увлекающаяся душа прониклась этими надеждами по поводу того, что крестьяне, недовольные каким-то

распоряжением начальства, стали громко и резко высказывать свое неудовольствие и грозили неповиновением.

Когда же на другой день это неповиновение выразилось в буйстве и разбивании кабаков, и пьяные крестьяне переругались и передрались, Соловьев был так удручен своим непониманием народа, что бросил место писаря и вполне разочаровался в возможности что-нибудь достигнуть в отношении просвещения народа.

Александр Иванович Писарев получил место в большом селе Балтае Вольского уезда. Я устроилась с ним. Мы наняли избу у зажиточных крестьян, которые сами жили в другой своей же избе рядом с нами.

Назначение Александра Ивановича было очень оригинально. Предводитель дворянства (он же председатель земской управы) позвал к себе волостного старшину и объявил ему, что он назначает ему писаря. Старшина, важный, богатый крестьянин Василий Михеевич Сенотов, стал отказываться от назначенного, неизвестного ему писаря, ссылаясь на свою неграмотность, вследствие чего писарь может подвести его. Председатель успокаивал его, говоря, что писарь честный человек, не подведет его, и когда все уговоры оказались тщетными, он прибег к своему праву и заявил, что другого писаря не утвердит. После этого старшине пришлось смириться, и он вместе с писарем вышел от председателя. Когда они остались с глазу на глаз, старшина обратился к писарю: «Ты у меня смотри, если будешь обижать бедноту и держать руку богатеев, я тебя выживу. У меня чтобы не было никому обиды». Можно себе представить изумление и радость Александра Ивановича, не предполагавшего услышать подобные слова от мужика-кулака, каким он считал богатого старшину. Однако первое время старшина относился недоверчиво и своей печати, которую приходилось прикладывать вместо подписи по неграмотности, не оставлял писарю; каждый день он приезжал сам в волостное правление и заставлял писаря читать себе все бумаги, «входящие и исходящие». (Жил он в своей деревне в 5–6 верстах от села.)

Однажды в волостное правление явился священник другого села и требовал, чтобы волостное правление взыскало с крестьян долги в его пользу. «Можно долги удержать из страховки», — заявил священник, узнав, что крестьяне только что получили страховую премию после пожара, истребившего больше половины села. «По закону нельзя удерживать страховую премию в уплату долгов», — объяснил ему писарь. «Как нельзя, — закричал священник, — они не отдадут мне долгов, а я не могу взыскать с них, когда вижу, что они получают деньги!» Никакие доводы не могли убедить возмущенного батюшку, и он уехал к старшине.

«Что-то будет, — думали мы. — Как отнесется старшина к этому делу; на чью сторону он встанет; пожалуй, не одобрит писаря и станет неприязненно относиться к нему?»

В скором времени вернулся священник в сопровождении старшины. В волостном правлении уже не было народа, и священник, не стесняясь, стал жаловаться старшине, что «писарь при мужиках объясняет, что они могут не платить долгов, получая страховку. В таком случае, они никогда не заплатят мне, потому что денег других у них не будет».

Старшина внимательно выслушал как жалобу священника, так и объяснения писаря, и чтение закона о страховой премии. «Что же, батюшка, поделаешь, когда нет таких правов, чтобы удерживать страховку за долги», — обратился он к священнику и стал ему доказывать, что подводить себя под ответственность за неправильные взыскания он не может.

Разозленный священник грозил, бранился и, наконец, хлопнув дверью, вышел и уехал.

Старшина еще подробнее расспросил о законе и, наконец, улыбаясь и поглаживая свою широкую бороду, сказал: «И хорошо ты его отделал, Александр Иванович. Святому отцу только бы свое сгрести, а народ жалеть не его дело; как ты отчитал ему по закону, ему податься и некуда. Спасибо, Александр Иванович, не подвел ты меня», — и тут же вручил писарю свою печать. Это был верх доверия. Можно было не сомневаться больше в направлении деятельности, одобряемой старшиной.

Старшина, который вел обширную торговлю хлебом, кожей, скотом и т. п., ссужал крестьян и помещиков деньгами без всяких формальностей и будучи неграмотным, полагался исключительно на свою память и на убеждение: «Сам не обманешь, и тебя не обманут». Он заботился не только о наживе, но помогал нуждающимся, а свою деревню так любил, что всех ее жителей считал своей семьей и за неимущих вносил даже подати. Кулаки этой местности ненавидели его, и чтобы досадить ему, способствовали избранию его в старшины. Это вовсе не улыбалось человеку неграмотному, ничего не смыслящему в законах и делах и, кроме того, погруженного в коммерческие предприятия, которые требовали частых и продолжительных отлучек.

Понемногу, знакомясь с делами волостного правления, видя, что можно приложить много заботы о крестьянах, находящихся очень часто в тисках у кулаков, полиции и всевозможных обстоятельств, руководимый советами и объяснениями Александра Ивановича, он пристрастился к своей должности и стал охотно вникать во все дела. Когда подошел срок взыскания податей, старшина оповестил всех богатых крестьян-купцов, чтобы неотлагательно несли деньги, иначе он поступит с ними круто. Когда приходил такой толстосум и кланчил об отсрочке, Василий Михеевич говорил:

— Нечего, брат! Распоясывай свою лисью шубу, развязывай мошну.

— Василий Михеевич, да ты с бедноты взыскивай, а мы успеем; за нами не пропадет.

— С беднотой я справлюсь, ты меня не учи, а вот сам плати, не то в холодную, — и распоясывалась лисья шуба, выкладывала денежки, которые раньше из почтения к тысячнику оставались прежним старшиной в недоимки за почтенным человеком.

Таким образом, в этом году были взысканы все недоимки, очередные платежи, аренда за оброчные статьи. Сумма собралась изрядная. Обыкновенно арендные деньги поступали на руки крестьян мелочами и немедленно пропивались всем обществом. Теперь старшина и писарь посоветовали употребить деньги на очистку недоимок. Общество согласилось, и пьянство отменили.

Подати надо было везти в казначейство. Старшина предложил писарю ехать с ним. Он так расположился в пользу Александра Ивановича, что не хотел с ним расставаться, требовал постоянно разъяснений и наставлений.

Александр Иванович охотно поехал. В городе пришлось ему побывать у исправника. Поговорив с писарем и убедившись, что писарь интеллигентный человек, исправник заинтересовался, почему он служит волостным писарем. «Вы могли бы иметь гораздо лучшее место. Вы и пишете, и говорите хорошо; что заставило вас идти в деревню на ничтожное жалование? Это что-то подозрительно. Вот, в Самарской губернии тоже был такой писарь, да пришлось ему удирать. Смотрите, я зорко буду за вами следить». Александр Иванович объяснил ему, что у него была хорошая служба, но что его сгубила страсть к вину, и ему всюду отказывали от места; тогда он решил идти в писаря, надеясь в деревне, вне своей компании, отвыкнуть от вина. «Ну смотрите, я зорко буду следить за вами, — строго повторил исправник. — Чуть что — я вас отставлю». «А мы не дадим, — вмешался старшина, — для нас он хорош и мы всей волостью за него постоим».

Я тоже нашла себе достаточно занятий. Незадолго до нашего приезда было устроено в селе ссудо-сберегательное товарищество. Дела кассы вел полуграмотный дьячок, и всё дело свелось к тому, что учредители разделили между собой деньги, полученные в ссуду от земства, и снабдили кассу какими-то безграмотными расписками вместо векселей, как полагалось по уставу. Я узнала, что ожидается ревизия кассы председателем управы и что крестьяне в затруднении — как подготовиться к этой ревизии. Я предложила заняться этим делом. Изучив устав и ознакомившись с положением кассы, я созвала участников, растолковала им всё и заявила, что приведу всё в порядок, но что сроки, на которые допускается брать ссуды, прошли и нужно возвратить деньги. В исключительных случаях допускается переписка векселя на второй срок. Меня выслушали, уполномочили купить вексельной бумаги и согласились — кто внести долг, кто переписать вексель.

К известному сроку я всё приготовила и снова созвала участников и всех желающих записаться в члены товарищества.

За это время кулаки-купцы, которым устройство ссудо-сберегательной кассы было не по вкусу, в особенности, когда они увидели, что делом занялись не на шутку, стали внушать крестьянам, что я втерлась к ним, чтобы обобрать их, а на возражение, что я занимаюсь даже безвозмездно, купцы утверждали, что это еще опаснее. Я воспользуюсь их полным доверием и поверну всё в свою пользу.

Крестьяне, которые знали, что нечем попользоваться, так как в кассе не было ни гроша, недоумевали и недоверчиво относились к запугиваниям кулаков; они сами не передавали мне эти толки, но нашелся один какой-то скептик по отношению меня и на собрании, когда вся изба наполнилась людьми, он яростно набросился на меня: «Ты что это вздумала у нас заводить свои порядки; польстилась на наши денежки», — и пошел оскорблять меня всевозможными намеками и осыпать меня руганью.

За меня заступались, но он пришел в такую ярость, что не знал удержу. Я защищалась насколько могла, но, наконец, мои нервы не выдержали, и я рассердилась: «Нет сил терпеть, — заявила я собранию, — если вы мне не доверяете, я не стану заниматься вашим делом». Поднялся всеобщий галдеж. Меня стали упрашивать остаться; буяна осыпали упреками и даже выпроводили из избы, но я сказала, что так измучилась и устала, что продолжать сегодня не могу. Я пришлю сюда писаря соседней волости (у нас гостил Юрий Богданович), он знает дело и всё растолкует вам. Так я и сделала, и инцидент был исчерпан.

Через некоторое время приехал председатель управы. Меня позвали доложить ему дело. Он совсем не был знаком с уставом кассы, так что мне пришлось всё объяснять ему. Всё было в порядке. Председатель остался доволен и при прощании подал мне руку. После его ухода меня стали благодарить. Крестьян очень радовало, что я, так сказать, их служащая, сумела не только с честью выдержать ревизию, но еще поучала председателя. «Как ты ловко все ему объяснила», — повторяли они, и с тех пор доверие ко мне было полное.

Однажды, когда я в волостном правлении (я и здесь заведовала почтой) занята была разборкой ее, ко мне подошел крестьянин с просьбой написать письмо. Я взглянула на него и узнала своего обидчика по делам кассы. «Как это ты решился обратиться ко мне с просьбой после того, что ты сделал мне столько неприятностей», — сказала я ему. Он стал извиняться, объясняя, что его подучили против меня кулаки-мироеды, а что теперь он знает, что я крестьянам на пользу работаю. «Сделай милость, не гневись, напиши письмо — больно хорошо ты пишешь», — закончил он. Конечно, я написала ему письмо, и с тех пор этот буян стал моим первым защитником и радетелем.

Часто ко мне обращался сборщик податей с просьбой записать в его книжку получки и выдать крестьянам расписки на внесенные подати.

Я завела ему точный порядок в его делах, и он, и крестьяне были так довольны этим, что предложили мне быть помощником сборщика. «Как же я буду ходить с ним всюду — приходится даже в кабак заходить для получки платежей», — возразила я. «А ты не сомневайся, обиды тебе не будет никакой», — утешали меня. Я согласилась. Действительно, когда однажды пришлось зайти в кабак, все присутствующие там немедленно водворили тишину и порядок; пьяных вывели и не позволили произнести ни одного скверного слова.

Кроме этой текущей работы, представилась еще экстренная. Получилось предписание привести в порядок волостные кассы ссуд* для ревизии ввиду допущенных неправильностей в ее ведении бывшим старшиной. Это была такая трудная работа, что не находилось никого желающего заняться ею. Какой-то проходимец, едва ли что-нибудь смыслящий в этом деле, предложил заняться им за вознаграждение в 100 рублей³.

Требование такой значительной суммы заставило задуматься крестьян и поставило их в безвыходное положение. Тогда я решила взяться за работу. Мне вполне доверяли и, конечно, обрадовались такому выходу. Скудная и кропотливая работа заняла

---

* Это было учреждение давнишнее, уже не функционировавшее в то время.

очень много времени, и хотя нельзя было выяснить всех долгов и злоупотреблений за неимением документов и записей, все-таки я привела в известность, какая сумма должна была быть в кассе и сколько исчезло бесследно за вычетом выясненных долгов. Наконец, была назначена ревизия.

Старшина и Александр Иванович должны были ехать в Саратов на земское собрание, гласным которого состоял Василий Михеевич.

Я не знала как поступить: без меня не разберутся в запутанном материале, а являться самой докладчицей я не решалась. В ревизионной комиссии было человек 12; некоторые чужие, некоторые из нашей волости. Я передала всё кому-то из крестьян и с любопытством ждала, что выйдет из этого. Вдруг за мной прибегают: «Идите, без вас не разберутся». Я пошла со страхом, как бы опять не наткнуться на дикие выходки какого-нибудь нахала, но меня встретили так почтительно, что я сразу успокоилась. Все мои объяснения выслушивали внимательно, и обвиняемый старшина очень вежливо просил у меня справки. Дело сошло хорошо; меня поблагодарили и комиссия, и все присутствующие крестьяне.

Никогда в своем обществе я не встречала такого почтительного и доброжелательного отношения. Меня положительно удивляло, что крестьяне не делали никакой разницы между знающим мужчиной и знающей женщиной и уважали меня именно за то, что я была сведущим в их делах человеком.

Женщины-крестьянки, для которых доступ в волостное правление по местному обычаю был закрыт, часто просили меня:

— Сходи на суд, послушай, что там творится — расскажешь нам.

— Отчего вы сами не идете, если вам любопытно?

— Что ты, разве нам можно, ты ученая, тебе ничего, а нам нельзя.

В Самарской губернии всё население: мужики, бабы и даже дети шли на разбирательство волостного суда и присутствовали не только в качестве слушателей, а вставляли свои замечания, указания и советы. В Саратовской губернии, наоборот, женщины считали позором ходить в волостное правление.

Сборщик был очень доволен моим содействием и вообще симпатизировал мне. Однажды он пригласил меня в свою избу и, подводя к постели больной жены, познакомил меня с ней и сказал ей:

- Вот умрешь, я женюсь на Марье Константиновне.
- Что вы расстраиваете больную, — остановила я его.

Сама больная сказала:

— Что же, Мария Константиновна, я не жилица на этом свете, а ты больно ему по нраву пришлась — всё про тебя мне рассказывает.

— Бог даст, поправитесь, — ответила я. — Что вперед загадывать — там видно будет.

Несмотря на матримониальные виды сборщика относительно меня, он никогда не позволял себе ни малейшей вольности, ни малейшего намека на свои намерения, и я без всякой боязни продолжала свои обходы с ним по селу.

Но и здесь не суждено было нам долго засиживаться.

Однажды в волостное правление явился управляющий имением какого-то знатного землевладельца для засвидетельствования целой массы условий с рабочими-крестьянами нашей волости. Условия была драконовские, на основании которых крестьян можно было прижать и обобрать как угодно. Писарь объяснил управляющему, что такие невыгодные сделки волостное правление не имеет права утверждать, и стал объяснять крестьянам, нанимающимся в работники, чему они подвергаются, подписывая такие условия. Крестьяне стали требовать изменения условий и ограждения своих прав, тогда управляющий разозлился, заявил, что найдет рабочих в другом месте, и уехал.

Через несколько дней известили, что этот управляющий подал жалобу исправнику на писаря за то, что он бунтует народ, и кстати прибавил, что при писаре живет какая-то беспаспортная особа.

Оказалось, давно точившие на нас зубы мироеды посвятили управляющего в подробности нашей деятельности.

Становому приставу было предписано потребовать у меня паспорт и сделать справку о нас обоих, кто мы и настоящие ли у нас паспорта.

Когда в село прибыл становой пристав, урядник пришел за мной и злорадно заявил, чтобы я взяла с собой паспорт. Накануне явились в село два жандарма собирать сведения о нас, и всё село знало, что с нами что-то неладно. При допросе меня становым жандармы были спрятаны за занавеской и готовы были немедленно арестовать меня, если ли бы у меня действительно не оказалось паспорта.

Когда я явилась на «дворянскую квартиру», то есть на квартиру для приезжающих должностных лиц, толпа народа собралась на крыльце; царствовала полная тишина, и на мои поклоны никто не решился ответить кроме нашего приятеля — крестьянина-поэта и философа.

Этот крестьянин еще в молодости стремился к просвещению. Он самоучкой научился грамоте потихоньку от отца, который находил лишним учить его. Выучившись читать, он стал добывать книги, где и как мог. Его хотели женить, но он так тяготился некультурной крестьянской жизнью, что не соглашался, но когда отец не на шутку рассердился, он, чтобы помириться с семьей, согласился. Сделав эту уступку и женившись на предложенной, не любимой им невесте, он решил, что сам должен нести последствия такого поступка и не имеет права заставлять страдать ни в чем не повинную жену. Взамен любви и привязанности, на которые могла рассчитывать жена по сердцу, он считал себя обязанным оказывать нелюбимой жене внимание и уважение. Он освобождал ее от всякой тяжелой работы, которую сам исполнял, и предоставлял жене полную свободу действий в хозяйстве и семейных делах, так что все соседки завидовали ей и считали ее наисчастливейшей женщиной. В одном только отношении он требовал подчинения своим указаниям — в воспитании ребенка. Он выписал руководство по воспитанию ребенка и с самого момента его рождения строго следил за исполнением всех правил и предписаний. По ремеслу он был сапожником (от земледелия он почему-то отстал), но на лето он нанимался сторожить фруктовые сады, которых в Саратовской губернии так много. Со всей семьей он устраивался в саду в шалаше и наслаждался природой. «Как чудно, — говорил он, — лежать под

открытым небом, наблюдать за звездами и вдыхать чистый ночной воздух».

Он накупил себе книг по астрономии, философии и лексикон-толкователь иностранных слов, чтобы знакомиться со всеми встречающимися неизвестными выражениями. К своим односельчанам он относился не враждебно, но сторонился их, жалея о их грубости и закоснелости. Знакомству с нами он очень обрадовался и часто навещал нас. Когда мы делились с ним своими желаниями и надеждами на развитие в крестьянах самосознания и стремления к улучшению своего существования, он грустно говорил: «Трудно это; едва ли вам что-нибудь удастся. Народ так темен и так окутан со всех сторон, что выбраться ему из своего теперешнего положения почти невозможно. Чтобы добиться просвещения и развития, надо самому желать этого, а этого желания, этого стремления нет и быть не может у людей, все мысли которых направлены исключительно на добывание куска хлеба, на прокормление и выращивание семьи и исполнение приказаний начальства». Когда мы говорили об интересах к общественным делам и гражданственности, он скептически качал головой и говорил: «Какие могут быть общественные дела у крестьян? Опять-таки одна забота, как сдать повыгоднее арендные статьи, как собрать общественные доходы, пополнить хлебные амбары и справить общественные повинности. Что же может еще интересовать крестьян?»

На сходы он никогда не ходил, не интересуясь вопросами крестьянского обихода, а главное, гнушаясь пьянства, драки и шума, которыми сопровождалось обсуждение всяких дел.

Когда под влиянием Александра Ивановича и старанием старшины сходы приняли совсем другой характер, пьянство было выведено, и крестьяне стали обсуждать устройство школы, призрение старых и больных, вдов и сирот, открытие потребительных лавок, чтобы избавиться от опеки мироедов и т. п., наш приятель совсем ожил. «Не думал я, что так скоро можно повернуть крестьян в другую сторону. Посмотрите-ка, как они интересуются всеми этими делами. Вместо того, чтобы идти в кабак, собираются где-нибудь на улице и толкуют о делах. Хотя

по пословице один в поле не воин, а видно, при уменьи и при желаньи и один может свернуть многих. Если бы вы подольше у нас побыли, авось изменилась бы наша убогая крестьянская жизнь».

Я вошла в избу в сопровождении урядника. Становой немедленно приступил к допросу, и видно было, с каким волнением он ожидал моего первого ответа о паспорте. Когда я ответила, что имею паспорт и предъявила его, он успокоился и стал задавать вопросы о некоторых подробностях, на которые я ответила вполне удовлетворительно, так что он объявил мне, что я могу идти, а документ мой останется у него для проверки. Я вышла, и вся толпа, видя меня свободной, сняла шапки и приветствовала меня.

Конечно, после этого происшествия нельзя было оставаться, так как должно было обнаружиться, что паспорта у нас нелегальные. Мы стали обсуждать, как поступить относительно старшины. Мы слишком уважали его, чтобы уехать, не сдавши дел, бросив всё на произвол судьбы. Наконец мы решили поехать к нему и всё рассказать по правде, а там будь что будет.

Поздно вечером мы поехали к нему; он принял нас радушно; конечно, он знал уже о случившемся и радовался, что всё обошлось благополучно, но мы сразу приступили к объяснению всех обстоятельств. Он слушал внимательно и серьезно и по окончании рассказа спросил:

— Так вы это для души делали?

Мы подтвердили его предположение, а он спросил:

— А вы, Марья Константиновна, не сестра ведь ему; я давно так думаю.

— Да, не сестра, — ответила я.

— Опасно вам оставаться; сейчас надо вам уезжать. Пойдемте в правление, сдадите мне ключи и отправляйтесь с богом, а то вас настигнут.

Он встал, расцеловался с Александром Ивановичем и сказал ему:

— Если вы попадете в тюрьму, пришлите весточку; я залог за вас положу, если нужно будет.

Затем он велел закладывать свою лошадь, а жене, которая хотела поить нас чаем, сказал, что поздно, а в волостном правлении

есть спешное дело, по которому надо ему съездить туда. Мы простились с хозяйкой и уехали в сопровождении старшины. Дома мы уложили кое-какие вещи, сдали ключи и бумаги старшине, а он распорядился насчет почтовых лошадей и всё торопил нас: «Уезжайте скорее; как бы не хватились вас».

Наконец подали лошадей; нашим хозяевам заявили, что пилсарь едет в отпуск на несколько дней. Сердечно простившись с этим редким богачом-крестьянином, мы уехали. Опасаясь погони, мы торопили ямщиков, давали им щедро на чай и благополучно добрались до Саратова.

Не теряя времени, оповестили всех связанных с нами лиц, так что всем без исключения удалось скрыться, и когда начались розыски, всё оказалось пусто.

Мы уехали в Петербург и прибыли туда 3-го апреля. Ночевать мы отправились к Николаю Николаевичу Богдановичу, где мы застали массу публики. Нам сказали, что переночевать мы можем, но рано утром все должны разойтись. Так мы и сделали. Я пошла навестить своих сестер. Когда я дошла до Екатерининского канала, я услышала как будто выстрел, но оглянувшись, ничего нигде не увидела. Я добралась до квартиры сестер и только что успела поздороваться с ними, как вбежал один родственник и сообщил: «В государя стреляли, но не попали. Государь сам схватил стрелявшего за руку». Можно представить, какой переполох поднялся в городе. Оставаться при таких условиях в Петербурге было небезопасно, и через несколько дней многие разъехались⁴.

О том, что делалось после нашего отъезда в покинутом нами селе, мы ничего не знали. Долгое время спустя, вернувшись опять в Петербург и живя там временно, я как-то зашла к Юлии Александровне Варгуниной, с которой я и моя сестра Ольга познакомились за границей и дружески сошлись. Расставаясь перед отъездом в Россию, она пригласила нас навещать ее и в Петербурге.

Я бывала у нее, и она всегда радушно принимала меня. На этот раз она встретила меня с каким-то растерянным видом и наконец решилась сказать:

— Мария Павловна, сейчас должен прийти ко мне Шуйский. (Это был наш общий знакомый за границей. Он был членом Петербургской судебной палаты, очень развитой и симпатичный человек; с ним у нас установились также наилучшие отношения.) Он будет поставлен в очень неловкое положение, встретив вас у меня.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Разве вы не знаете, что ему было поручено расследование по вашему делу в Саратовской губернии?

— Я этого не знала.

— И ничего не знаете о ходе этого дела?

— Ничего не знаю.

И она передала мне, что Шуйский, приехав в волостное правление, где мы работали, созвал свидетелей и прежде всего допрашивал старшину. Когда он спросил Василия Михеевича, что говорил ему писарь, он ответил, что писарь толковал ему законы, настаивал на том, что всё надо делать по закону.

— Ну, а про землю ничего не говорил вам?

— Как не говорить — говорил, как правильно делить землю.

— Нет, не про это, а не говорил ли он, что скоро помещичьи земли перейдут к крестьянам?

— А что, разве есть такой слух? — с любопытством спросил Василий Михеевич.

Шуйский нашел, что старшина совсем глуп и от него ничего не добьешься. Священник, с которым мы были в наилучших отношениях, ответил на вопрос о том, что за люди мы были: «Дай бог побольше таких; они готовы души свои положить за братья свои; они настоящие христиане».

Крестьяне отвечали тоже, что «окромя хорошего, ничего от них не видали», и только двое братьев-мироедов, тотчас после нашего отъезда, отправившиеся к Каткову и изложившие ему, что мы члены какого-то громадного общества, к которому принадлежат и предводитель дворянства, и непременный член по крестьянским делам присутствия, и многие другие правительственные агенты, и здесь подтвердили, что мы бунтовали народ и что старшина потакал нам и подчинялся приказаниям писаря.

Так как все их показания были голословны и клонились к тому, что им лично наносился ущерб от действий старшины и писаря, то их наветы остались без последствий.

* * *

В мае 1883 года попечитель (так называется на Кавказе исправник) объявил мне, что дело обо мне кончено и я отдана под гласный надзор полиции с правом выбора местожительства⁵. Этот выбор был для меня очень затруднителен. За зиму я так привыкла к сыну и так привязалась к нему, что разлука с ним казалась мне невыносимой; с другой стороны, мне жаль было Александра Ивановича, который звал меня в Минусинск, да я и сама тосковала о нем. Моим колебаниям положил конец приговор врача и совет сестры Виктории (тоже врача). Они увидели в моей последней болезни явные признаки возобновившейся чахотки, и сестра находила вредным для моего сына мое постоянное близкое с ним соприкосновение. Пришлось покориться судьбе и ехать в Минусинск. Впрочем, в мае ждали манифеста (кажется, по поводу коронации) и многие ссыльные, и между ними Александр Иванович, ждали облегчения участи, так что могло случиться, что мне не пришлось бы ехать так далеко, но выжидать решения этого вопроса мне не хотелось в Сочи — раз разлука с сыном была неизбежна, лучше сразу порвать.

Муж мой (с которым я осталась в наилучших отношениях), приезжавший погостить в Сочи, уезжал домой и предложил ехать вместе до Царицына, откуда он направлялся в Петербург, а я могла продолжать путь по Волге до Казани. В Казани жила приятельница сестры, женщина-врач Карасинская, которую я знала немного. К ней меня направила сестра, советуя выждать там известие, будет ли Александр Иванович переведен и куда. Я так и сделала.

Тяжело было расставаться с сыном, и когда фелюга, доставившая нас на пароход, отчалила обратно, я готова была вернуться. Александр Александрович всячески утешал меня, и при его поддержке я овладела собой настолько, что сознала невозможность возврата.

Погода благоприятствовала нам, и мы незаметно доехали до Керчи, откуда предстояло ехать по Азовскому морю, обыкновенно очень бурному, но нам и здесь посчастливилось — была полная тишина.

Наконец, мы добрались и до Царицына. Тут мы простились, и я в полном одиночестве, обессиленная, поехала дальше. Приехав в Казань, я разыскала Карасинскую, которая приняла меня как нельзя более радушно и предложила остаться у нее сколько будет нужно. Пришлось пользоваться ее гостеприимством почти целый месяц. Наконец, я получила известие, что Александр Иванович оставлен в Минусинске еще на 5 лет. Надо было двинуться в дальний путь. Карасинская послала меня к доктору Виноградову, пользовавшемуся большой славой как специалист по внутренним болезням. Я спросила его, не рискованно ли мне ехать так далеко. Он даже удивился моему вопросу и ответил: «Очень даже рискованно». Он первый определил у меня сужение кровеносных сосудов и сказал, что мое положение очень опасно, что сильное кровохарканье может случиться каждую минуту, в особенности же от такого трудного путешествия. Он расспросил меня о причине моей поездки и с большим участием отнесся ко мне: «Если вы уже непременно хотите ехать, — сказал он, — то будьте очень осторожны, делайте перерывы, отдыхайте чаще». Он прописал мне порошки (они очень помогали мне, и я долго употребляла их). Я решила ехать, так как одиночество томило меня, а не суждено мне жить — не всё ли равно, где умереть.

Анненские, которые жили тогда в Казани, снабдили меня письмом к Валентину Федоровичу Коршу, племяннику знаменитого издателя «Петербургских Ведомостей». В.Ф. Корш был сослан в Томск (не помню, за какое дело). Он был очень интересный человек, образованный, умный, и в ссылке сумел добиться общественного положения. (Губернатор разрешил ему заведовать неофициальной частью губернских ведомостей.) В Томске же поселился Зубок, женившийся на одной из сестер Субботиных, сосланной по Московскому процессу⁶. В Перми и Тюмени тоже жили политические ссыльные, к которым мне

дали рекомендации; таким образом, не так страшно было пустаться в путь, всюду встречались люди, на дружеский прием и помощь которых можно было рассчитывать.

Из Казани вместе со мной на пароходе ехала знакомая Анненских, молодая женщина с маленьким сыном. Она ехала к мужу в Пермь.

Путешествие на пароходе, конечно, не было утомительным, и я благополучно доехала до Перми. По железной дороге до Тюмени не очень далеко, так что и туда я добралась, а оттуда предстоял 9-дневный переезд на пароходе до Томска. В Тюмени пришлось ждать несколько дней парохода, и я, остановившись в какой-то гостинице, посещала семью, также рекомендованную мне Анненскими. (Совсем не помню ни имени, ни положения этой семьи. Кажется, глава семьи заведовал переселенческим пунктом.) Тут я встретила молодого человека, которого мне представили как врача, сопровождающего губернатора, вновь назначенного в Томск. Еще в Перми я видела, что с поездом провожают какое-то высокопоставленное лицо; оказалось — это томский губернатор, бывший московский вице-губернатор Красовский. Предстояло вместе с ним ехать на пароходе, но хотя я и думала взять билет I класса (второй класс был невозможный на сибирских пароходах того времени, и при моем состоянии здоровья мне было слишком тяжело ехать в тесноте и духоте), я не предполагала знакомиться с губернатором и была очень рада, что буду иметь знакомого спутника в лице врача, очень симпатичного, хотя довольно молчаливого человека.

На пароход я забралась, как только он подошел к пристани. Вскоре появилась туда преинтересная компания. Ехала калмыцкая княгиня с целой свитой. Княгиня ехала из Астрахани в Ургу (на Китайской границе против Кяхты), священный город буддистов, и везла с собой трех юношей, посвятивших себя духовному званию, которые должны были получить духовное воспитание в монастыре священного города. Кроме того, княгиню сопровождал еще юноша для личных ее услуг и девочка, лет 12-ти, прехорошенькая, совсем не калмыцкого типа. Сама княгиня тоже была не дурна, хотя типичная калмычка; она производила

странное впечатление в своем национальном костюме. Платье — европейского покроя, черное, вышитое цветными шелками, но на голове она носила корону из золотой папки с разными украшениями (совсем бутафорская корона) и длинную белую шелковую вуаль.

Оказалась она женщиной очень неглупой. Она говорила порядочно по-русски, и с ней было очень интересно беседовать. Она сейчас же познакомилась со мной, спросила кто это высокопоставленное лицо, которое едет с нами; узнавши, что это томский губернатор, она послала куда-то за букетом и впоследствии преподнесла его ему.

В I классе нас оказалось всего четверо пассажиров: Губернатор с доктором, княгиня и я. Я была в своей каюте, где хотела закусить, когда ко мне постучали. Доктор (имя его не помню) просил позволения представить мне Ивана Ивановича Красовского, который хотел познакомиться со мной. Я вышла в общую каюту, и знакомство наше состоялось.

Старик, весь лысый (как полено, беспрестанно повторял он сам), губернатор был живой, добрый, очень веселый собеседник, так что я довольна была знакомством, но была поставлена в тупик, когда он начал расспрашивать меня о цели моей поездки и о моем положении вообще. Я сказала ему, что еду к мужу; он спросил, какая я урожденная.

— Мейнгард, — переспросил он, — у вас есть родственники в Москве?

— Как же, Александр Адольфович мой родной дядя.

— О, мы большие приятели с Александром Адольфовичем. Он недавно выдал замуж двух дочерей, — и т. д. и т. д...

Нашлась тема для разговоров, но старик был любопытен, а времени много, и он всё более и более выпытывал от меня подробности моей личной жизни. Изворачиваться я не люблю, и я решила сказать ему откровенно, кто я и с какой целью еду. Выбрав минуту, когда мы остались вдвоем, я сообщила ему, что тот, к кому я еду, не законный муж мой, что он политический ссыльный и что я сама нахожусь под надзором полиции и по предоставленному мне выбору местожительства направля-

юсь в Минусинск. Его, видимо, очень заинтересовало всё, что я ему рассказала, и он стал еще любезнее и внимательнее ко мне. «Как поднадзорная, вы едете, вероятно, по проходному свидетельству, новые образцы которых только что изданы? — спросил он. — Я еще не видал этих свидетельств, покажите мне, пожалуйста, ваше свидетельство», — и с легкостью молодого человека он сбежал в каюту, чтобы не заставляя меня подниматься наверх со своим документом. Узнавши, что я не первый раз еду в Сибирь, что я уже жила там и знаю тамошние порядки и многих ссыльных, он стал расспрашивать подробно обо всем. Когда я назвала ему фамилию Александра Ивановича, он воскликнул: «Это ведь мой бывший студент. (Красовский был ректором университета до назначения его вице-губернатором.) Скажите ему, что я готов сделать для него всё, что могу.

Пусть он напишет мне частное письмо и изложит, чего бы он желал. Вообще, — продолжал он, — политические деятели во многом, может быть, ошибаются, но это честные и энергичные люди, и я не намерен изолировать их от общества. Они могут быть очень полезны в такой некультурной стране, как Сибирь».

Подъезжая к какому-нибудь городу, где предстояла ему встреча с хлебом-солью и приветствиями подчиненных и обывателей, старик вздыхал, крестился и обтирал свою лысую голову, с которой пот струился целыми потоками. «Тяжело брать на себя такую ответственную должность, — говорил он, — и принимать это подобострастное поклонение весьма неприятно». Княгиня, которой очень льстило общество губернатора, беспрестанно звала меня наверх. «Я не умею так хорошо говорить, как вы, — заявляла она. — Со мной скучно губернатору, а с вами ему интересно говорить — пойдите со мной».

Когда мы оставались с ней наедине, она расспрашивала меня о христианской религии и находила, что буддизм имеет много общего с христианством. Когда она совершала свои религиозные обряды, она просила меня подать ей руку, так как во время какой-то молитвы необходимо было плеснуть воду через чью-нибудь руку. Одним словом, мы с ней очень сошлись, и наше длинное путешествие скрашивалось приятным общением.

Наконец, мы подходили к городу Нарыму; так как было уже мелководе, то пароход не мог пристать у самого города, находящегося в глубокой бухте, и губернатору предстояло высадиться в лодку, чтобы посетить город. Иван Иванович спросил меня, знаю ли я кого-нибудь из ссыльных в Нарыме. Я назвала ему Ушакова, с которым ехала год тому назад на арестантской барже. «Знаете, — предложил он, — поедемте со мной в город. Вы увидите ссыльных, скажите им, чтобы они все подали мне прошения. Я всех переведу из Нарыма; ведь это ужасная жизнь для интеллигентных людей в такой трущобе». Я поблагодарила его, но просила позволить пригласить и княгиню, иначе мне было неловко сопровождать губернатора. Он, конечно, согласился, а княгиня была в восторге.

Подъезжая к нарымскому берегу, Иван Иванович обратился ко мне: «Посмотрите, в какой гондоле предстоит нам ехать». У берега ждала большая лодка с навесом из красного кумача, украшенная зеленью. Мы сошли с парохода и уселись в «гондоле».

Высшие чины вели беседу с губернатором, а к нам подсел ставной пристав. Подобострастно стал он выведывать, какое положение мы занимаем в свите губернатора, на что я ему ответила, что мы посторонние пассажиры на пароходе, но единственные в первом классе, и губернатор просто предложил нам прокатиться для развлечения. Тогда он стал допытываться, куда и с какой целью мы едем. Я сообщила ему и эти сведения; тогда он полюбпытствовал, не золотопромышленник ли мой муж. Я ответила, что нет, и не знала, как вести дальше разговор, но, к счастью, «гондола» причалила к пристани города Нарыма, и я избавилась от докучливого собеседника. Курьезное зрелище представилось на берегу. Шествие началось губернатором, окруженным полицией и другими встречающими лицами. За этой группой шла калмыцкая княгиня в своем наряде, сопровождаемая свитой, а я замыкала шествие. На высоком берегу толпилась публика и между нею я узнала кучку ссыльных, в среде которых был и Ушаков. Что должны были думать они, в особенности, если Ушаков узнает меня, но едва ли он мог допустить мое появление в этой фантастической обстановке. Княгиня вслед за губер-

натором пожелала пойти в церковь и осмотреть город; я же направилась к ссыльным, чтобы поскорее передать им поручение губернатора.

Ушаков был ошеломлен, и мы все хохотали до упада над оригинальной обстановкой, в которой мы встречались с ним во второй раз.

Губернатор впоследствии сдержал обещание и содействовал облегчению участи многих ссыльных, но он оказался не таким всемогущим, как он представлял себе сибирского губернатора. Его чуть не обвинили в сочувствии революции и не позволили ему мирволить ссыльным. Между прочим, и Александр Иванович получил от него уведомление, что ему отказано в ходатайстве о переводе в Томск.

Чем ближе мы подвигались к Томску, тем более интересовался Иван Иванович тамошними делами и расспрашивал меня, что я знаю об этом городе. Я рассказала ему, что знала о его заместителе, вице-губернаторе Петухове, о проделках полицеймейстера Чижа и о ссыльных.

Но Красовский заботился и о моей личной участи. Он предложил княгине, у которой был собственный, очень удобный экипаж для путешествия от Томска до Урги, взять меня в попутчицы, и княгиня с удовольствием согласилась довезти меня до Ачинска, откуда мне нужно было сворачивать на Минусинск.

Зная из моего проходного свидетельства, что мне придется в Томске предьявлять его и иметь дело с полицией, Иван Иванович сказал мне: «Вам придется иметь дело с этими птицами (намек на фамилии полицеймейстера и вице-губернатора); если они будут ставить вам какие-нибудь препятствия, вы тотчас обратитесь ко мне лично, и я заставлю их сделать всё, что нужно». Подъезжая к Томску и прощаясь со мной, он сердечно пожелал мне всего лучшего и еще раз повторил: «Не забывайте, что я готов помочь вам, чем только могу». Я горячо благодарила его, и, действительно, мне пришлось прибегнуть к его помощи, иначе я не могла бы воспользоваться случаем ехать с княгиней в удобном экипаже.

По приезде в Томск, я отправилась в полицию, но полицеймейстер был при встрече губернатора и в присутствии не являлся

еще. Я заявила приставу, что через день мне надо ехать дальше, а потому прошу позаботиться, чтобы завтра мое свидетельство было готово. Пристав грубо, не глядя на меня, ответил, что я получу свидетельство, когда оно будет готово, но что скоро этого нельзя ожидать, так как полицеймейстер занят. «Но мне надо же ехать», — возразила я. «Это нас не касается», — ответил он. Я спросила, в какое время по утрам полицмейстер обыкновенно бывает в присутствии и на другой день снова отправилась в полицию, но полицеймейстера опять не застала, а пристав еще грубее прикрикнул на меня, чтобы я не приставала с пустяками, что у них дела поважнее моего.

Я решила отыскать доктора, сопровождавшего губернатора и просить его передать Ивану Ивановичу о моем затруднении. Я пошла к Евгению Федоровичу Коршу и там дело устроилось. Через несколько часов, когда я сидела в гостинице у княгини (наши номера были рядом), мне доложили, что меня спрашивает пристав. Я сначала испугалась, не ожидая такого быстрого результата заступничества губернатора, но выйдя в коридор и увидя там униженную фигуру пристава, так грубо относившегося ко мне утром, теперь стоявшего руки по швам, вытянувшись, как перед начальством, я сразу догадалась, что мне не предстоит больше видаться с неприятными лицами и местами.

«Извольте, ваше свидетельство», — произнес пристав дрожащим голосом и испугался, когда я спросила, стоит ли это что-нибудь. «Ничего-с», — поспешил он заявить и быстро удалился.

На другой день мы двинулись в путь, но несмотря на удобный экипаж и помощь, которую оказывали нам служанки княгини при остановках на станциях, езда на лошадях меня страшно утомляла и я с ужасом думала, как я проеду 500 верст от Ачинска до Минусинска на перекладных, одна.

Наконец, мы добрались до Ачинска; я была совсем разбита и решила отдохнуть хоть одну ночь на почтовой станции. Княгиня уехала дальше, а я осталась и поскорее легла, но отдохнуть не пришлось. У меня сделалось кровохарканье, и меня била лихорадка. «Что я буду делать?» — с ужасом думала я. Телеграфа тогда еще не было на Минусинск, да и не пустят Александра

Ивановича в Ачинск, раздумывала я. Я не знала, как дожидаться утра, но на рассвете все-таки заснула, и силы мои несколько восстановились. Пилюли Виноградова остановили кровохарканье, и я решила: «Будь что будет — поеду дальше; все-таки подвинусь к Минусинску и если слягу, то, может быть, Александру Ивановичу разрешат приехать».

Пара сибирских лошадей помчала меня в легкой кибитке; у меня кружилась голова, но я предпочитала двигаться скорее. Уже начало смеркаться, когда мы подъезжали к высокой горе, и ямщик стал вслух обсуждать какой дорогой лучше объехать гору. Я первый раз ехала этой дорогой и ничего не могла посоветовать ему, и он по собственному усмотрению поехал у самой подошвы горы. Вдруг навстречу попадает такая же перекладная, как моя, и кто-то выглядывает из кибитки, всматривается в нас и кричит: «Стой!» Я ничего уже не различала за темнотой, но голос показался мне знакомым. Через мгновение около меня был Александр Иванович. Таких радостных минут, как я пережила при этой встрече, немного бывает в жизни. Мы доехали до следующей станции и остановились для отдыха.

Теперь незачем было спешить, мне нечего было бояться одиночества, а отдых был необходим.

РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 125. Л. 153–199. Автограф.

Примечания

¹ Это был Василий Грязнов, участник группы народников, действовавших в конце 1874 — начале 1875 г. в Москве, избежавший ареста во время разгрома группы. Ю.Н. Богданович, впоследствии член «Народной воли», в начале 1881 г. принял на себя роль хозяина сырной лавки, из которой был сделан подкоп под Малую Садовую улицу и заложена мина на случай проезда Александра II.

² «Процесс 193-х» (18.10.1877–23.01.1878) — судебный процесс над участниками «хождения в народ» в 1874 г.

³ Летом и осенью 1877 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии действовали не «черные передельцы», а кружок так называемых «южных бунтарей». Они воспользовались брожением тамошних крестьян и с помощью подложной царской «высочайшей тайной грамоты», отпечатанной в подпольной типографии и призывавшей крестьян от имени царя восстать против помещиков, сумели завербовать в тайную дружину около двух тысяч человек. В августе 1877 г. заговор был раскрыт. Оказались арестованными около тысячи крестьян, 47 из них преданы суду. Но «царизму было выгодно изобразить перед общественным мнением людей из народа обманутыми жертвами революционных совратителей». Поэтому все арестованные получили только административные взыскания, большинство судимых — оправдали, только четверо были сосланы. Главным арестованным «совратителям» — Л.Г. Дейчу, Я.В. Стефановичу и И.В. Бохановскому грозил смертный приговор, но им удалось еще до суда совершить побег из тюрьмы (*Троцкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 202–203). Впоследствии народники после споров всё же отвергли обманный способ вовлечения крестьян в бунтовскую деятельность.

⁴ Покушение А.К. Соловьева на Александра II произошло не 3-го, а 2-го апреля 1879 г. По приговору Верховного уголовного суда А.К. Соловьев был казнен 28 мая 1879 г.

⁵ В воспоминаниях М.П. Лешерн фон Герцфельд отсутствует рассказ о том, что происходило с ней и А.И. Иванчиным-Писаревым после того как они спешно покинули Саратов весной 1879 г. А.И. Иванчин-Писарев разочаровался в возможности легально действовать в народе при существовавших в России полицейских условиях и стал сблизиться с «Народной волей», вступившей в политическую борьбу с режимом. Был арестован в марте 1881 г. и административно сослан в Минусинск. М.П. Лешерн фон Герцфельд избежала ареста, в воспоминаниях она не заявляет о своем разочаровании в легальной деятельности среди крестьян.

В архивном деле имеются ее воспоминания, не вошедшие в данную публикацию. Там рассказывается, что, узнав об аресте А.И. Иванчина-Писарева, М.П. Лешерн приехала в Петербург, установила связь с арестованным, а затем скрытно последовала за ним в Минусинск, где ей удалось нелегально прожить около года. Но в 1882 г. ее арестовали и в сопровождении жандармов препроводили в Петербург. После административного разбирательства М.П. Лешерн была отдана на поруки родственникам и находилась под гласным надзором полиции с правом выбора места жительства. Прожив зиму 1882–1883 гг. в Сочи, она заявила о своем желании вновь поехать в Минусинск, где оставался в ссылке Иванчин-Писарев. Передвижение в качестве поднадзорной было для нее единственно возможным способом легально поехать в Сибирь к любимому человеку (РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 125. Л. 200–264 об.).

⁶ «Московский процесс» — судебный процесс над разгромленной в 1875 г. народнической организацией, действовавшей в 1874–1875 гг. в Москве. В истории получил название «Процесс 50-ти» (21.02–14.03.1877 г.).

Источники и литература

«Народная воля» и «Черный передел» / Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. Л., 1989.

Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / Редколлегия: В.Н. Гинев (отв. ред.), М.П. Ирошников, А.Н. Цамутали, С.О. Шмидт. СПб., 2000.

Гельман М. Что нам делать с собой? // Дилетант. 2016. № 2.

Гинев В.Н. С.Н. Валк и народовольцы // Историографический сборник. Саратов, 1980. Вып. 8. С. 183–201.

Гинев В.Н. О старом и новом в современном народниковедении // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2014. № 2. С. 167–175.

Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли»: Споры о тактике: Сборник документов / Редколлегия: В.Н. Гинев (отв. ред.), Р.Ш. Ганелин, А.Н. Цамутали. М.; СПб., 2012.

Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974.

Пелевин Ю.А. А.Д. Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 46–69.

Пелевин Ю.А. Н.В. Клеточников // Там же. 2013. № 11. С. 53–77.

Пелевин Ю.А. Идейные основы «Земли и Воли» // Там же. 2014. № 3. С. 3–19.

Пелевин Ю.А. Казус Засулич // Там же. 2015. № 1. С. 60–78; № 2. С. 52–70; № 3. С. 69–77; № 4. С. 41–61.

Революционеры 1870-х годов / Сост. В.Н. Гинев. Л., 1986.

Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX веков. М., 2004.

Суд над царевубийцами. Дело 1-го марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. СПб., 2014. Т. 1, 2.

References

- Gel'man M.* Chto nam delat' s soboj? // Diletant. 2016. N 2.
- Ginev V.N.* O starom i novom v sovremennom narodnikovedenii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Istorija Rossii. 2014. N 2. S. 167–175.
- Ginev V.N. S.N.* Valk i narodovol'cy // Istoriograficheskij sbornik. Saratov, 1980. Vyp. 8. S. 183–201.
- Iz istorii «Zemli i Voli» i «Narodnoj voli». Spory o taktike / Redkollegija: V.N. Ginev (otv. red.), R.Sh. Ganelin, A.N. Camutali. Moskva; Sankt-Peterburg, 2012.
- Levin Sh.M.* Oчерki po istorii russkoj obshhestvennoj mysli. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX v. Leningrad, 1974.
- «Narodnaja volja» i «Chernyj peredel» / Sost. V.N. Ginev, A.N. Camutali. Leningrad, 1989.
- Pelevin Ju.A. A.D.* Mihajlov // Voprosy istorii. 2011. N 6. S. 46–69.
- Pelevin Ju.A.* Idejnye osnovy «Zemli i Voli» // Ibid. 2014. N 3. S. 3–19.
- Pelevin Ju.A. N.V.* Kletochnikov // Ibid. 2013. N 11. S. 53–77.
- Pelevin Ju.A.* Kazus Zasukh // Ibid. 2015. N 1. S. 60–78; N 2. S. 52–70; N 3. S. 69–77; N 4. S. 41–61.
- Repnikov A.V., Milevskij O.A.* Dve zhizni L'va Tihomirova. Moskva, 2011.
- Revoljucionery 1870-h godov / Sost. V.N. Ginev. Leningrad, 1986.
- Saharov A.N., Bohanov A.N.* Istorija Rossii XVII–XIX vekov. Moskva, 2004.

Sud nad careubijcami. Delo 1-go marta 1881 goda / Pod red. V.V. Razbegaeva. Sankt-Peterburg, 2014. T. 1, 2.

Valk S.N. Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniju / Redkollegija: V.N. Ginev (otv. red.), M.P. Iroshnikov, A.N. Camutali, S.O. Shmidt. Sankt-Peterburg, 2000.